

Не существует, наверное, другого вида искусства, который бы был настолько связан со стихией национального опыта, как литература, основой, сутью которой является слово. Существовая в пространстве своей национальной культуры, писатель всегда «вненаходим» (пользуясь термином М. Бахтина) другими литературами и вместе с тем его творчество образует феномен, получивший название «европейская литература».

Возможно ли положительное описание этого феномена, или это лишь ничего не выражающее, кроме географической общности, понятие; что означает для той или иной национальной литературы идентификация себя как составной части литературы Европы – вопросы эти актуальны не только для восточноевропейских стран, стран Балтии или СНГ, не менее актуальны они и для традиционно-европейских литератур.

Как нам представляется, ситуация «конца века» (а может быть, и тысячелетия) отчетливо обозначила новый вектор в решении этой проблемы. На смену существованию некоего универсального кода, позволяющего интерпретировать творчество писателя как часть общего творческого процесса, тем самым определив его принадлежность к пространству европейской литературы, приходит стремление видеть в европейской литературе контекст. Принадлежность писателя к генерализирующим, «осевым» парадигмам пространства и времени (как художественным, так и мировоззренческим), особенно явную в ситуации «ускоренного развития литературы», сменяет все более интенсивное стремление к диалогу с ними.

Последнее обстоятельство позволяет определить «европейскую литературу» не как унифицированную (с большей или меньшей долей абстракции) модель, столь популярную со времен структурализма, великого наследника картезианства, но как реальное пространство «большого диалога».

Т. ЦВИГУН

Современная литература как «сама-себе-метатекст»

Одной из специфических черт литературы XX века можно считать все более возрастающую в ней роль «авторской метатекстuality» – ситуации, в которой автор выступает одновременно и как создатель художественного текста, и как его комментатор, и – в предельном случае – интерпретатор. Важно отметить, что «автометатексту-

альность» XX века принципиальным образом отличается от подобных ей явлений в литературе «классического» типа.

Так, в классической литературе (к примеру, литературе XIX века) значимость автотекстуального компонента еще достаточно невысока: он реализуется, как правило, в рамках либо предисловий/послесловий, либо авторских примечаний к тексту, комментирующих малоизвестные читателю реалии. Здесь автотекст не выступает в качестве самостоятельного явления, а есть лишь элемент общей художественной системы, занимающий в ней периферийное положение. Только в исключительных случаях возможна непосредственная авторская рефлексия по поводу собственного текста (к примеру, гоголевские «тексты-комментарии» к «Ревизору»), инициированная, однако, авторским «перепро чтением» и «перепониманием» текста. Благодаря подобному статусу автотекста функции автора и читателя/исследователя оказываются четко дифференцированными: первый создает текст, второй – метатекст как путь толкования и его конечный результат.

Актуализация автотекстуального компонента в литературе начала XX века и усиление его позиций в современной литературной ситуации приводит к перераспределению функций между автором и читателем/исследователем. В литературе последней трети XX века автотекст перестает быть составной частью художественного текста и обнаруживает свою «персональность» и независимость: он перерастает границы художественного текста как такового и разворачивается в самостоятельное надтекстовое образование. Генетически сохраняя эстетическую ценность, автотекст в силу своего особого положения обретает сходную с читательским/исследовательским метатекстом степень комментирующей (интерпретирующей) значимости. Такое уравнивание позиций автотекста и метатекста задает возможность вытеснения и полного замещения «внешнего» интерпретатора (читатель/исследователь) интерпретатором «внутренним» (автор).

Таким образом, литература, интерпретирующая самое себя и тем самым диктующая правила своего прочтения, создает весьма затруднительные условия для существования современной филологии: наука о литературе на фоне активизации автотекстуальности обнаруживает свою полную несостоятельность и избыточность.

А. Черняков

Предел постмодернизма: сетература